

УДК 800:159.9

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ
«ЗАКОНА РАЗРЫВА ШАБЛОНА» В НЕПОДГОТОВЛЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

А. Б. Воропаева, Е. В. Трофимова

**THEORY AND EXPERIMENTAL ILLUSTRATION OF «THE LAW OF THE PATTERN/MODEL
BREAKING» IN UNPREPARED SPEECH ACTIVITY**

A. B. Voropaeva, E. V. Trofimova

В данной статье представлено обоснование и иллюстрация основных положений экспериментально-теоретической работы, посвященной исследованию спонтанного речепорождения в стрессовых условиях. Результаты проведенного психолингвистического эксперимента нашли свое отражение в когнитивном моделировании спродуцированного текста, а также была предпринята попытка классифицировать полученные в ходе анализа модели.

The article represents the explanation and illustration of the principal statements of the experimental and theoretical work devoted to the research of spontaneous speech production in stressful situations. The results of the psycholinguistic experiment are expressed in the form of cognitive modeling of the text produced during the experiment and there is an attempt to classify the models.

Ключевые слова: сознание, психолингвистический эксперимент, спонтанное речепорождение, стрессовая ситуация, когнитивное моделирование.

Keywords: consciousness, psycholinguistic experiment, spontaneous speech production, stressful situation, cognitive modeling.

Специалисты в области историографии любой науки отлично знают, что как в формировании идей, так и в практической сфере их реализации можно выделить эпохи интеграции и дифференциации. Если не уходить в глубь истории, то 1960-е годы в нашей стране (за рубежом несколько раньше) обозначили явное стремление к интеграции знаний, а с конца 1970-х по нарастающей идет дифференциация, которую не смогла остановить даже синергетика, по видимому, из-за ее слабой вписанности в гуманитарную сферу.

В настоящее время все отчетливее звучит мысль о том, что пора перейти от решения узких вопросов, отражающих частные интересы той или иной конкретной науки, к проблемам, которые одинаково значимы для специалистов разного профиля: лингвистов, физиков, математиков, культурологов и, конечно же, филологов. Имеются в виду исследования на стыке феноменов *сознание – мышление – язык*. Внутри этой триады сосуществуют (создаваемые взаимодействием ее составляющих) фреймы, концепты, языковые картины мира, метаязыковое сознание, парадоксальное сознание (порождающее гениев и безумцев), мозговые структуры с их нейронными сетями и прочими нейрофизиологическими явлениями.

В обозначенной выше триаде наиболее труднодоступной составляющей является сознание, недаром этот феномен так часто употребляется в сочетании «тайна сознания», причем во вполне серьезных научных исследованиях [4, с. 150 – 164]. Синергетики и специалисты в области динамической когнитивистики рассматривают состояние сознания как хаотические аттракторы, то есть «как некий постоянно изменяющийся процесс, явно не статический и даже не следующий по фиксированному циклу ... Воспоминания приходят и уходят, мысли проходят через сознание только чтобы исчезнуть и возвратиться позднее...

Они являются элементами некоторого психического тумана или точнее психической погоды с соответствующими ей постоянно колеблющимися температурой, влажностью, ветром и так далее» [2, с. 53].

Тем не менее нейрофизиологами достаточно давно было установлено, что человеческий мозг живет как бы в трех различных режимах. Во-первых, при выполнении автоматизированных действий сознание вообще «отдыхает»; во-вторых, оно включается «в работу», когда происходит «изменение сенсорных входных сигналов, в связи с тем, что необходимо обработать новую информацию» [5, с. 100 – 104], при этом сама информация при всей своей новизне, как и ситуация ее доставки, должна проходить в условиях соблюдения причинно-следственных отношений. Иными словами, «любой самостоятельный умственный процесс может быть продуцирован взаимодействием других умственных процессов, которые сами являются продуктами третьих умственных процессов» [там же]. Полагаем, что данное состояние функционирования сознания может быть охарактеризовано как его нормативная деятельность. Наконец, третий этап связан с нарушением причинно-следственных отношений, в результате чего ситуация оказывается непредсказуемой. В. М. Аллахвердов для обозначения такого рода явлений использует понятие «закон разрыва шаблона» [1, с. 331]. Автор отмечает, что «нарушение ситуативной закономерности ведет к разрушению привычных схем поведения, к затруднению в принятии самых простых решений, вызывает сбой в поведении и хаотические попытки избавиться от навязанной ситуацией закономерности» [там же: 329].

До настоящего времени «закон разрыва шаблона» исследовался преимущественно психологами, психоневрологами, нейрофизиологами. Наиболее крупной и интересной работой в этом направлении, по нашему мнению, следует признать монографию В. М. Аллах-

вердова «Сознание как парадокс» [1]. Языковеды находились в стороне от исследования данной проблемы, однако еще Аристотель указывал на тесную связь языка и мышления, хотя и не считал их «равноправными партнерами». Спустя 21 столетие, Г. Лейбниц призвал философов исследовать естественные языки, дабы понять законы логики. А в наши дни в клинической психиатрии врач получает информацию о психическом состоянии пациента, наблюдая и анализируя его спонтанную речь, но при этом сетует, что «до сих пор анализ речи больного, а через него оценка организации всей его речемыслительной деятельности проводится часто по плохо систематизированным, субъективно оцениваемым отклонениям от речевой и логической нормы узуса». Весьма странно звучит следующее определение «патологического текста». Патологическим следует считать текст, принадлежащий психически больному человеку, и в котором отражены симптомы психического заболевания данного человека» [3, с. 48]. Не правда ли, оригинальное определение! Используя его, мы попадаем в замкнутый круг. Между тем «при проведении судебно-психиатрической экспертизы и дифференциальной диагностики постоянно ощущается необходимость в таких объективных и независимых лингвистических приемах, приложение которых к ПТ (патологическому тексту. – А. В., Е. Т.) давало бы возможность определить характер патологии сознания у автора этого текста» [3, с. 51].

Некоторые факты в области когнитологии и синергетики, обнаруженные в последние десятилетия преимущественно зарубежными исследователями, свидетельствуют о глубинной связи сознания и языка. «У человека имеется очевидная сильная тенденция осмысливать действительность в терминах объектов. Причиной этого отчасти может быть влияние языка... Когда маленькие дети узнают названия вещей, они немедленно начинают формировать строго определенные категории, на основе которых осуществляют точные предсказания относительно реальных физических объектов» [2, с. 49]. По-видимому, такое объективированное восприятие как в онтогенезе, так и в филогенезе формируется достаточно рано. А. Комбс отмечает, что состояние сознания можно рассматривать как «такое состояние, к которому система стремится по своей собственной природе» [2, с. 52]. В мире много циклических явлений – смена времен года, приливы и отливы, суточная цикличность и так далее, однако А. Комбс полагает, что наиболее интересны не циклические, а те системные явления, которые не могут быть точно предсказаны. Именно они получили название «хаотических аттракторов», которые характеризуют дестабилизацию сознания.

Все вышеизложенное приводит к мысли, что в исследовании онтологических свойств «закона разрыва шаблона» наряду с психологами и другими специалистами в области высшей нервной деятельности должны активно участвовать лингвисты, специализирующиеся в психолингвистике и когнитивистике. Изучение речи и поведения индивидов в условиях разных форм проявления фактора психической нестабильности даст возможность приблизиться к пониманию «тайны сознания». Встает вопрос: на чем базируется

данное предположение? Хорошо известно, что человек воспринимает, хранит и перерабатывает гораздо большее количество информации, чем он осознает. Но неосознаваемые смыслы тем не менее в скрытой форме присутствуют в сознании. На данном этапе работы мы ставим весьма скромную задачу: определить, какие модификации в процессах вербальной и невербальной коммуникации происходят при действии «закона разрыва шаблона». Исследование же связано с объяснением полученных результатов (то есть переход от «как» к «почему») и будет затем продолжено с привлечением специалистов по ВНД (высшей нервной деятельности).

Ниже представлено обоснование и иллюстрация основных положений экспериментально-теоретической работы, посвященной исследованию спонтанного речепорождения в экстремальных условиях. Под экстремальными условиями здесь понимается реализация вынужденно неподготовленного устного текста на заданную тему. Поставленный в жесткие временные и тематические рамки речевой трансляции продуцент может использовать, в первую очередь, те языковые ресурсы, которые отражают содержание его оперативной памяти. С другой стороны, в тех случаях, когда от реципиента удастся получить текст достаточной протяженности, вероятно, оказываются подключенными и некие (психофизические? речевые?) механизмы, исследование которых позволит в какой-то степени понять иерархию организации языковых представлений в сознании носителей языка. Такого рода исследования представляют гораздо большие возможности проникнуть в «тайны сознания» по сравнению с простым ассоциативным экспериментом, использующим, как правило, одиночные стимулы и порождающим, чаще всего, одиночные реакции.

Нестандартный подход к анализу материала исследования потребовал ввести собственную терминологию, предваряющую описание самого психолингвистического эксперимента.

Мыслесблок представляет собой один или несколько однородных предикативных актов. Под предикативным актом, рассматриваемым как микротекст, подразумевается отношение между стимулом и реакцией, однородными же акты являются тогда, когда они направлены на осмысление одного и того же объекта. Когнитивная модель спонтанного речепорождения в стрессовой ситуации в условиях психолингвистического эксперимента представляет собой структуру отношений между стимулом и реакцией с позиции реципиента.

В роли реципиентов в данном эксперименте выступили студенты отделения «Иностранный язык» Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета г. Комсомольска-на-Амуре. Характер эксперимента с испытуемыми заранее не обсуждался, работа проводилась индивидуально с каждым участником в изолированном помещении при полной тишине. Реципиенту предлагалось сразу же после оглашения словосочетания, не задумываясь, по возможности избегая пауз, проговорить все, что придет в голову в связи с заданной темой. Только после такой инструкции общался стимул и сразу же включался диктофон.

Так как конечной целью психолингвистического эксперимента являлось когнитивное моделирование порождаемого текста, представим далее модели, сопровождаемые в качестве примера реакциями 22 реципиентов на стимул *малиновый пиджак*. Модели изображены в виде схем, расположенных по принципу от простых к более сложным. Дадим расшифровку символов, используемых в моделях.

Символ S обозначает стимул, выступающий в качестве номинации, а R указывает на реакцию, которая в данном случае играет роль предиката. В совокупности мы получаем микротекст, который и подлежит моделированию. Стрелки указывают на характер отношений между стимулом и реакцией. R_n(S_n) указывает на реакцию, которая является стимулом для последующих реакций (n в первом случае (R_n) – номер реакции, которая выступила в роли стимула, во втором случае (S_n) – это номер такого стимула). Номер реакции в схеме соответствует цифре в скобках рядом с каждой реакцией в тексте продуцента, представленного в качестве иллюстрации. R₀ – это реакция, не вербализованная в ходе эксперимента, но обозначенная при пояснении продуцентом неоднозначных реакций в беседе после эксперимента. Различными видами линий и цветовыми оттенками в схемах определены границы мыслеблоков.

Схема 1

Когнитивная модель, соответствующая схеме 1, представляет собой базовую структуру, входящую в состав последующих более сложных структур. Данная схема передает отношение между стимулом и реакцией, выраженное в предикативном акте, рассматриваемом как микротекст. Переводя схему в слова в соответствии с первым примером, получаем утверждение *Малиновый пиджак – это стилиги*, вариантами которого в речи могут быть такие высказывания, как *Малиновый пиджак связан со стилигами*, *Малиновый пиджак являлся атрибутом стилиг*, *Малиновый пиджак символизирует стилиг*. Данная модель, как и передающее ее в речи высказывание, представляет собой один мыслеблок.

В отличие от схемы 1, состав схемы 2 расширяется до двух реакций, которые являются неоднородными, так как, определяя один и тот же стимул, характеризуют его с разных сторон, таким образом представляя разные мыслеблоки.

Аналогичная предыдущей схеме, но имеющая в своем составе на одну реакцию больше, когнитивная модель, соответствующая схеме 3, представляет собой три разнородных смысловых образования или мыслеблока.

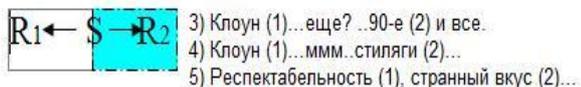

Схема 2

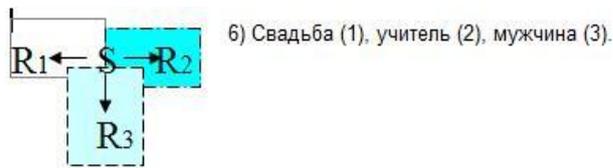

Схема 3

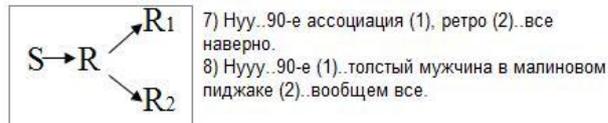

Схема 4

Принципиальным отличием четвертой когнитивной модели от двух предыдущих является то, что все реакции, ее составляющие, однородны, то есть определяют один и тот же объект или ситуацию, таким образом формируя один мыслеблок. В схеме однородность реакций передана символом R, от которого отходят пронумерованные R₁ и R₂, соответствующие реакциям в тексте продуцента.

Последующие схемы 5, 6 и 7 являются аналогами схемы 4, но с расширенным составом однородных реакций.

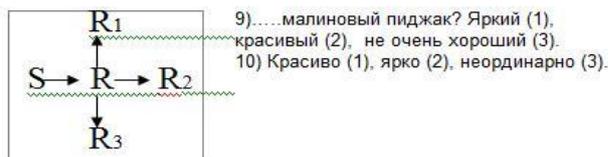

Схема 5

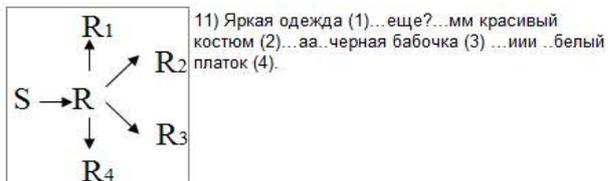

Схема 6

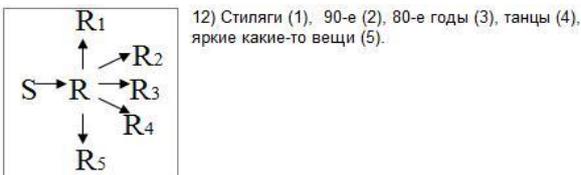
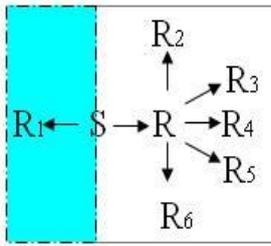

Схема 7

Когнитивная модель, соответствующая схеме 8, представляет собой комбинацию двух мыслеблоков, один из которых состоит из единственной реакции, другой – из нескольких однородных реакций. Основанием для деления на два блока послужило то, что R₁ является реакцией на первую составляющую сочетания *малиновый пиджак*, так как передает ассоциацию по цвету, а все остальные реакции характеризуют предмет в целом, то есть относятся ко всему словосочетанию.

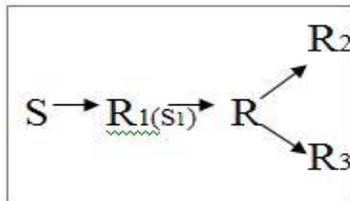

13) Розовый (1) ... красивый (2),
утягивающий (3), стройнящий (4)
...ээ красивый (5), элегантный (6).

Схема 8

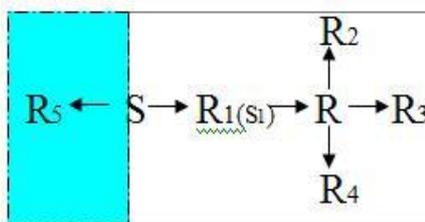
Отличительным признаком следующей когнитивной модели (схема 9) является то, что реакция на основной стимул становится стимулом для последующих реакций. В данной схеме такая реакция-стимул, обозначенная $R_1(S_1)$, порождает еще две однородные реакции (R_1 и R_2), образуя вместе с основным стимулом малиновый пиджак единый мыслеблок.

Когнитивная модель в виде схемы 10 представляет собой два мыслеблока, один из которых содержит единичную реакцию, другой аналогичен схеме 9.

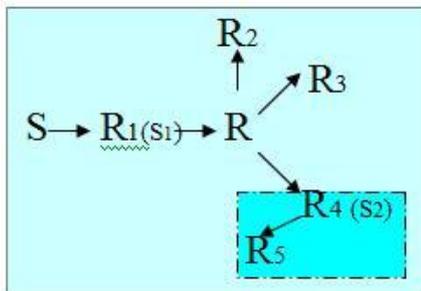
14) Новый русский (1)...ксех(смех)... там... богатство (2)
...власть (3).

Схема 9

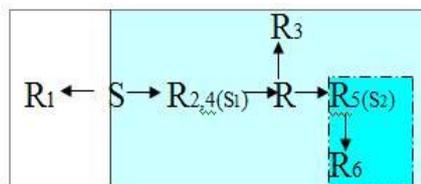
15) Новый русский (1), шикарная золотая цепь (2),
Мерседес (3)... эээ...наглое поведение (4), ну там
допустим стиль (5)...все.

Схема 10

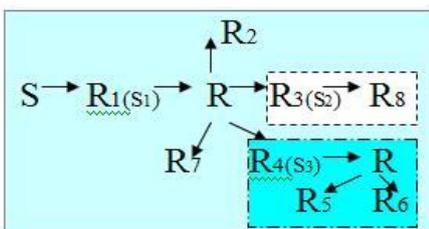
16) Новый русский (1)...эээ Мерседес (2), 90-е (3)
...эээ...Брайтон Бич (4), Нью Йорк (5).

Схема 11

17) 90-е (1)...малина (2)...розовый (3)... малина (4),
тепло (5), лето (6).

Схема 12

18) Эээ...90-е (1)...э.рэкетирство (2), а-авторитет (3),
группировки (4), организованные (5),
преступные (6)...ам... много денег (7)...власть (8).

Схема 13

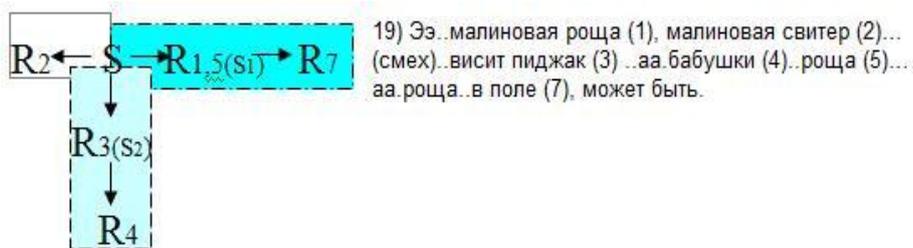

Схема 14

Принцип построения модели в схеме 11 идентичен модели в схеме 9, но является его усложненным вариантом. Мыслеблок, образованный однородными реакциями, включает в себя еще один микроблок, который стал результатом того, что одна из реакций основного мыслеблока, обозначенная как $R_4(S_2)$ послужила стимулом для реакции вторичного мыслеблока (R_5). Таким образом, один мыслеблок как бы «вложен» в другой.

Когнитивная модель, соответствующая схеме 12, включает два мыслеблока, первый из которых образован по предыдущему типу (схема 11), а второй содержит единственную реакцию и тождественен базовой структуре (схема 1). Также примечательным является повтор реакции, послужившей стимулом для других реакций. Данный повтор обозначен цифрой через запятую – $R_{2,4}(S_1)$.

Следующая модель (схема 13) представляет собой усложненный вариант схемы 11, в которой один мыслеблок «вложен» в другой наподобие письма в конверте, только в случае со схемой 13 количество таких

«вложенных» мыслеблоков возрастает до двух, причем один из них содержит более одной реакции.

Когнитивная модель по схеме 14 является вариантом схемы 3, в которой каждая реакция образует со стимулом отдельный мыслеблок. Модификация данной модели состоит в том, что как и в схеме 9, реакция становится стимулом для последующей реакции, тем самым усложняя структуру мыслеблока.

Реакции в следующих трех случаях (схемы 15, 16, 17) не позволяли однозначно представить структуру когнитивной модели, так как было неясно, к чему они относятся и какой объект описывают. Неоднозначность ситуации была устранена в ходе полученных пояснений от реципиентов сразу после окончания эксперимента. Невербализованный предмет речи обозначен в схемах как R_0 , а следующий за ним знак S в скобках и с номером является показателем того, что данная реакция послужила стимулом для других реакций в тексте продуцента. Так в схеме 15 неозвученный в ходе эксперимента стимул представляет собой выражение *человек в яркой одежде*, а в схеме 16 – слово *малина*.

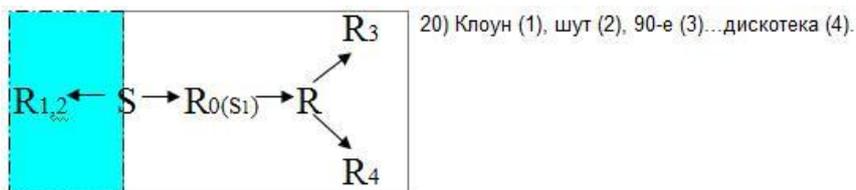

Схема 15

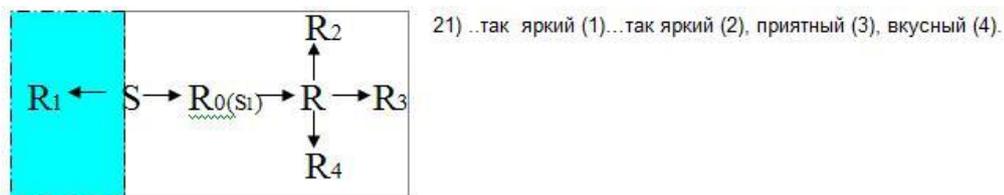
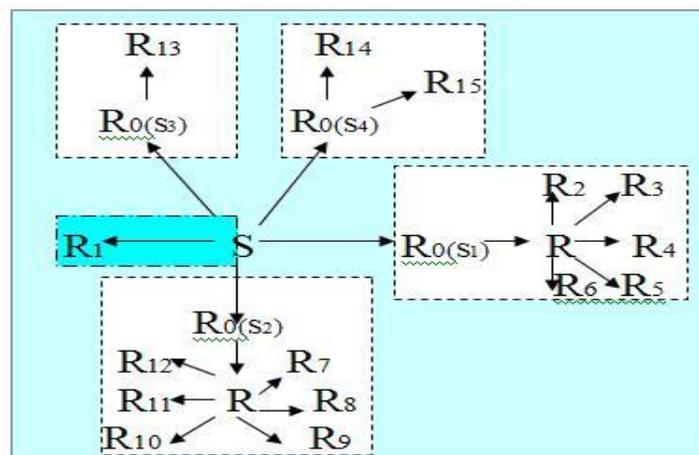

Схема 16

22) Э...красный (1), вредный (2), богатый (3), дешевый (4), глупый (5)...ээ. некрасивый (6)...ээ. юморной (7), смешной (8)...ээ. забавный (9), безвкусный (10), гадкий (11), мерзкий (12)...кхек(смех)...сочный (13)... ууу...дорогой (14), бриллиантовый (15).

Схема 17

В отличие от предыдущих двух схем когнитивная модель, соответствующая схеме 17, представлена целым комплексом мыслеблоков, стимулами для которых послужили невербализованные реакции. К данным неозвученным в ходе эксперимента реакциям относятся следующие: $R_0(S_1)$ – олигархи в 90-е годы, $R_0(S_2)$ – Гарик из Comedy Club, $R_0(S_3)$ – малина, $R_0(S_4)$ – Пэрис Хилтон.

Таким образом, все вышеперечисленные модели можно свести к нескольким основным типам:

- а) стимул и единичная реакция (схема 1);
- б) стимул и несколько однородных реакций (схема 4);
- в) стимул и реакция, которая служит стимулом для последующих реакций (схема 9);
- г) стимул и неозвученная реакция, которая служит стимулом для вербализованных реакций (схема 15).

Литература

1. Аллахвердов, В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания / В. М. Аллахвердов. – СПб.: Речь, 2003. – 368 с.
2. Комбс, А. Сознание: хаотическое и странно-аттракторное / А. Комбс // Синергетика и психология. Тексты. – Вып. 3. Когнитивные процессы. – М.: Когито-Центр, 2004.
3. Пашковский, В. З. Психиатрическая лингвистика / В. З. Пашковский, В. Р. Пашковский, Р. Г. Пиотровский. – Изд. 2. – М.: URSS, 2009. – 168 с.
4. Юлина, И. С. Тайна сознания. Альтернативные стратегии исследования / И. С. Юлина // Вопросы философии. – 2004. – № 10 – 11.
5. Loftus, E. F. Misinformation and memory: The creation of new memories / E. F. Loftus, H. G. Hoffman // Journal of Experimental Psychology. – General. – 1989.

Информация об авторе:

Воропаева Анастасия Борисовна – аспирантка ФГБОУ ВПО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», worldroads@rambler.ru.
Voropayeva Anastasia Borisovna – post-graduate student at Amur State University of Humanities and Pedagogy.

Трофимова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина», 89609534141, eltrofimova@mail.ru.

Trofimova Elena Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Oriental Languages and Methodology of Foreign Language Teaching of V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.